

Мусийчук Мария Владимировна

доктор философских наук,
профессор кафедры общей психологии
Магнитогорского государственного
университета

**ЮМОР КАК ФОРМА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
АКТИВНОСТИ**

Аннотация:

В статье обосновано положение о том, что юмор порождает трансформацию содержания через механизм интеллектуальной активности.

Ключевые слова:

юмор, интеллектуальная активность, парадокс, каламбур, игра слов, двойное толкование.

Musiychuk Maria Vladimirovna

D.Phil.,
Professor, General
Psychology Department,
Magnitogorsk State University

**HUMOR
AS A FORM OF
INTELLECTUAL ACTIVITY**

Summary:

The article substantiates a proposition that the humor generates the transformation of the content by means of the mechanism of intellectual activity.

Keywords:

humor, intellectual activity, paradox, pun, play on words, double meaning.

Термин «интеллектуальная активность» в настоящее время характеризуется значительной многоплановостью. Существует несколько подходов к пониманию и определению интеллектуальной активности, отражающей различные уровни психической активности в процессе мыслительной деятельности. В числе первых и наиболее основательных теорий, выделяющих фактор, лежащий в основе интеллектуальной активности, является «энергетическая» теория. Предварительно для объяснения понятия активности организма З. Фрейдом впервые было введено понятие «психической энергии». Создание энергетической концепции позволило объяснить такие характеристики поведения в процессе решения задачи, как его видимая спонтанность и «настойчивость». В концепции З. Фрейда происходит перевод физиологических терминов в психологические, так, аналогом понятия «возбуждение» выступает термин «психическая энергия». Другим ученым, исследовавшим проблему интеллектуальной активности в контексте умственной одаренности, явился Ч. Спирмен. Он вводит понятие «общего фонда психической энергии» и обозначает его как «джи-фактор» (genefal – общий). При этом Ч. Спирмен указал, что со временем, вероятно, можно будет измерять полную величину фонда психической энергии, не прибегая к традиционным способам определения уровня развития умственных способностей – тестам [1].

Важным для понимания сущности понятия «интеллектуальная активность» являются воззрения яркого представителя «энергетизма» в России А.Ф. Лазурского. В созданной им теории понятие активности отождествляется с понятием нервно-психической энергии. При этом ученый подчеркивает, что энергия и активность не являются тождественными понятию волевое усилие, а представляют собой «нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех вообще наших душевных процессов и проявлений» [2, с. 53]. В концепции А.Ф. Лазурского уровень проявления активности рассматривается как основной критерий для классификации личности. При этом выделяется три уровня активности: низший психический уровень – индивид недостаточно приспособлен к внешней среде, которая подчиняет себе слабую психику малоодаренного человека, в результате личность не дает и того немногого, что могла бы дать; средний тип – индивид хорошо приспособляется, прино-

равливается к внешней среде и находит в ней место, соответствующее внутреннему психическому складу; высший тип – индивид отличается стремлением переделать внешнюю среду согласно своим влечениям и потребностям, на этом уровне ярко выражен процесс творчества. Таким образом, третий, высший уровень связывается А.Ф. Лазурским не столько с более или менее удачным решением встающих перед человеком практических и теоретических задач, сколько с преобразующей деятельностью человека. Содержание преобразующей деятельности связывается А.Ф. Лазурским с понятиями «активность», «инициативность», порождение новых идей. Основное положение ученого о том, что высшее проявление таланта состоит не в приспособлении, а в продуцировании новых идей, является актуальным и в наши дни. Ряд фундаментальных исследований интеллектуальной активности проделан в русле педагогической психологии такими учеными, как Л.С. Славина, Н.А. Менчинская, В.Н. Дружинин, М.А. Холодная и др.

Плодотворное направление, с нашей точки зрения, в исследовании интеллектуальной активности разрабатывается М.А. Холодной, новизна позиции которой определяется оценкой индивидуальных интеллектуальных возможностей не с позиции явления интеллектуальной несостоятельности (лени как частного случая), а с позиции явления интеллектуальной зрелости. М.А. Холодная объективно утверждает, что изменится прежде всего отношение к человеку, и прежде всего к ребенку как человеку растущему, развивающемуся, складывающемуся. Из этого теоретического подхода вытекает весьма важный вывод, что интеллектуальная активность любого ребенка «заполнена» собственным ментальным опытом, который и предопределяет его интеллектуальную активность в тех или иных конкретных ситуациях [3].

Существующие трудности в определении понятия интеллектуальной активности связаны прежде всего в сложности разграничения и интерпретации формально-логической и динамической стороны. В рассмотренных исследованиях интеллектуальная активность трактуется то как «мера деятельности» – ее интенсивность, то как наличие реакции на внешний раздражитель, то как осуществление мыслительной деятельности, которая противопоставляется ее отсутствию («лени»). Анализируя существующие подходы к понятию интеллектуальная активность, можно выделить две основных тенденции. В первой интеллектуальная активность понимается как синоним любого вида умственной деятельности вообще. С другой точки зрения, относящейся к сфере психофизиологии, интеллектуальная активность понимается как «мера взаимодействия» субъекта с объектом.

Интеллектуальная активность личности проявляется в различных сферах деятельности и при различных обстоятельствах, феномен, определяющий ее однозначно, – это не стимулированная извне деятельность. В своей теории Д.Б. Богоявленская проводит аналогию с мышлением, которое было отделено от других психических процессов путем введения метода проблемных ситуаций. Придерживаясь этой аналогии, Д.Б. Богоявленская дает определение интеллектуальной активности: «Если мышление – это процесс решения задач, то интеллектуальная активность – это не стимулированное извне продолжение мышления» [4, с. 24]. При таком подходе интеллектуальная активность не может быть соотнесена только с интеллектуальными факторами. В русле нашего исследования в качестве теоретической основы принимается определение интеллектуальной активности, данное Д.Б. Богоявленской: «Интеллектуальная активность – чисто личностное свойство, это свойство целой личности, отражающее процессуальное взаимодействие познавательных и мотивационных факторов в их единстве, где абстрагирование одной из сторон невозможно» [5, с. 24].

Подтверждением тому, что в основе интеллектуальной активности лежат более сложные механизмы, чем способность к конвергентному или дивергентному мышлению,

являются исследования процесса становления одаренных личностей. Так, например, А.Д. Гроот полагает, что любой творческий продукт возникает не в результате интуитивного озарения, врожденной гениальности, а, напротив, является следствием специфического саморазвития личности, связанного с длительным накоплением и дифференциацией «полезного» в данной области деятельности опыта [6].

М.А. Холодная рассматривает интеллектуальную активность рассматриваемой в разрабатываемой ей теории ментального опыта как психологическую основу интеллектуальной одаренности [7]. В данной теории выделяются три основных слоя (или уровня) в структуре ментального опыта, определяющего степень интеллектуальной активности: когнитивный опыт (ментальные структуры, отвечающие за оперативную переработку информации); метакогнитивный опыт (ментальные структуры, обеспечивающие возможность управления собственной интеллектуальной деятельностью); интенциональный опыт (ментальные структуры, лежащие в основе избирательности и интеллектуальной активности).

Природа юмора, ярче всего проявляющаяся в аффективно-когнитивной форме приемов остроумия, с нашей точки зрения, эффективно способствует повышению интеллектуальной активности посредством смены способов кодирования информации, отбора стратегий переработки информации, произвольной приостановке своих интеллектуальных действий (например, прием остроумия «доведение до абсурда», предполагающий непродолжение рассуждения в бессмысленном направлении).

Юмор является эффективным средством развития интеллектуальной активности в силу присущих ему генетических свойств, опосредованных его когнитивно-аффективной природой. Юмор как механизм активизации интеллектуальной активности личности порождает в процессе восприятия текста изменение смысла (порождение нового смысла), основанного на компоновке текста с высокой степенью контраста (диалектической двойственности) и имплицитности, опосредованного обращением к собственным творческим способностям личности, посредством:

- выявления имплицитного содержания, через динамизацию устойчивых семантических связей (разрушение смысловых стереотипов) и выход на различный уровень обобщения (осмысления) ситуаций;
- создания значений альтернативных имеющимся через возникновение нового смысла, порождаемого значимыми отклонениями от нормативных структурных ожиданий, опосредованных игровой сущностью юмора;
- предвидение последствий посредством проигрывания на лингво-юмористических моделях последствий принятия тех или иных решений и выбор оптимального решения в соответствии с заданными критериями управления.

Анализ юмористических выражений и целых текстов полностью подтверждает наличие противоречия между кругом связей в первоначальном восприятии и осознанием новых связей и отношений в завершающем суждении как следствие проявления интеллектуальной активности. Действие аналогичного механизма наблюдается при разрушении инерции ожиданий в ряде эвристических задач, получивших название «головоломки». Юмористические выражения и тексты, так же как и задачи-головоломки, состоят из элементов с высокой степенью контрастности и имплицитности. В процессе восприятия происходит осознание противоречий и их умозрительная дифференциация, приводящая к осознанию смыслового ядра на новом уровне. При этом приемы остроумия как средства создания юмора и задачи-головоломки направлены на увеличение объема подтекста при минимуме использования вербальных средств, что способствует реализации механизма изменения смысла в процессе восприятия, при переосмыслении ранее полученной информации.

В словаре С.И. Ожегова «головоломки» трактуются как очень сложные, трудно разрешимые задачи. В нашем исследовании в качестве «головоломок» выступают задачи, существующие в фольклоре, рассчитанные на детский возраст. Впрочем, как показывает практика, взрослыми задачи «головоломки» принимаются к решению достаточно охотно в силу присущей им эмоционально привлекательной формы изложения. В данных задачах происходит изменение семантики вновь создаваемых образов, завершающих суждение. Рассмотрим действие механизма изменения смысла на конкретном материале. Дидактическим материалом являются остроумные выражения, отобранные из произведений мировой художественной литературы. В качестве эвристических задач используем достаточно известные задачи-головоломки. К настоящему времени выделено двенадцать основных приемов остроумия (А.Н. Лук, 1977): 1. Доведение до абсурда. 2. Остроумие нелепости. 3. Ложное противопоставление. 4. Ложное усиление. 5. Смещение стилей, или «совмещение планов». 6. Намек, или точно наведенная цепь ассоциаций. 7. Ирония. 8. Метафора. 9. Сравнение. 10. Повторение. 11. Двойное истолкование. 12. Парадокс [8].

Предварительный анализ показал, что механизм изменения смысла в приемах остроумия и механизм построения головоломок тождественны. Покажем это на примерах. Прием остроумия – «доведение до абсурда». Данный прием реализуется различными способами создания комического эффекта, среди них речевая избыточность и софизм, например, так, как это делал Г.К. Лихтенберг: «Утверждают, что во всей стране за последние 500 лет никто не умер от радости» [9]. Или же софизм (греч. *sophistes* – мудрец) – рассуждение, кажущееся формально совершенно безупречным, но содержащее на самом деле ошибку, в результате чего конечный вывод оказывается абсурдным. Так, как, например, это сделано в следующей истории. Некто приходит в кондитерскую и требует себе торт, но тотчас возвращает его обратно и просит рюмку ликера. Выпивает и направляется к дверям, не уплатив за ликер. Его задерживают.

- Что вы хотите от меня?
- Заплатите за ликер.
- Да я ж за него вернул вам торт.
- Вы и за торт не заплатили.
- А ведь торт-то я и не ел...

Рассмотрим сходство интенций данного приема с задачами-головоломками как механизма изменения смысла в процессе восприятия. В задаче: «Когда черной кошке проще всего пробраться в комнату?» Речевую избыточность создает слово «черная» в словосочетании «черная кошка», приобретающее дополнительный ассоциативный смысл, являющийся избыточным и приводящим к абсурду в контексте рассматриваемой задачи. Данным приемом скрывается вполне очевидное при другой формулировке решение: «Когда дверь открыта». Решение головоломок подобного рода позволяет достичь катарсиса – обретения утраченного смысла происходящего. Примером детской головоломки-детektива выступает следующая задача. Вдруг за стеной послышались аплодисменты. Они стихли после убийства, которое закончилось спасением. Объясните ситуацию. Часто в головоломках, являющихся при первом приближении абсурдными, необходимо использовать для решения более широкий контекст. Так, в этой задаче речь идет об убийстве моли и спасенных вещах. Рассмотрим пример с реализацией софизма, рассуждения, кажущегося формально совершенно безупречным. «Почему Робин Гуд грабил богатых?» Ответ: «Потому, что у бедных не было денег». В данной задаче реализован частный случай приема остроумия «доведение до абсурда» – софизм.

В приеме остроумия – «нелепость» способ создания комического эффекта – логическая несовместимость или алогизм (греч. *a* – отрицание и *logismos* – разум, нелогичность,

несовместимость с требованиями логики; сознательное нарушение логических связей с целью создания стилистического эффекта). Например, таким образом, как в этой коротенькой истории про слонов. Сидят два слона. Вяжут. Летит корова. Через некоторое время вторая. Затем третья. Один слон обращается к другому: «Послушай, может у них там гнездо?»

В приеме остроумия «ложное противопоставление» изменение смысла в процессе восприятия достигается тем, что заключительная часть по форме будто бы противоречит началу, а на самом деле усиливает его. Абсолютизация ложного противопоставления как форма существования ложного противопоставления использовалась многими выдающимися писателями. «Под плохим плащом нередко скрывается хороший пьяница» (М. Сервантес). «Мне обычно требуется более трех недель, чтобы приготовить блестящую импровизированную речь» (М. Твен). «Честные не лгут, когда не надо» (А.П. Чехов).

В приеме остроумия «ложное усиление» заключительная часть высказывания по форме усиливает начальную, а по существу отрицает ее, изменяя первоначальное восприятие. Абсолютизацию ложного усиления как механизма создания комического эффекта мы можем наблюдать в следующем высказывании А. Эйнштейна: «Математика – единственный совершенный метод, позволяющий провести самого себя за нос». Рассмотрим задачу: «Поженились они по любви. Жили душа в душу, занимались только друг другом. В результате они стали миллионерами. Как это произошло?» Заключительная часть высказывания построена по способу ложного усиления. До известного времени герои загадки были миллиардерами. Или же вариант задачи про собаку, которая была привязана на 10-метровую веревку, а ушла на 300 метров. Как ей это удалось? Это возможно при реализации механизма приема «ложное усиление» – собака ушла вместе с веревкой.

Формы представления или способы создания комического эффекта посредством приема «смешение стилей» или совмещение планов весьма разнообразны. Это намеренное смешение речевых стилей; контраст между темой и формой изложения; несоответствие стиля речи и обстановки, где она произносится; перенос терминологии; псевдоцитация и др., в которых наблюдается действие механизма изменения смысла в процессе восприятия. Очень ярко, рельефно двойственность остроумия проявляется при приписывании какого-либо выражения лицу, не имеющему к нему никакого отношения (псевдоцитация). Мать говорит сыну: «Еще великий Гете считал, что валенки нельзя сушить на плите». В данном выражении налицо совмещение планов, возвышенного – «великий Гете» и узкопрактического подхода связанного с технологией сушения валенок. Аналогичный механизм работает и в следующем выражении: «Про эмиграцию еще Галилей сказал: «А все-таки она вертится» (А.П. Шполянский). Фраза по поводу сушки валенок обладает большим комическим эффектом в силу наличия большего контраста между рассматриваемыми планами. И, как следствие, вызывает более сильную эмоциональную реакцию.

Другим вариантом приема смешения стилей является зевгма – от греч. «связь, объединение разнопланового», при котором происходит намеренное нарушение законов сочетаемости слов. В зевгме сочетаются формально тождественные, но семантически различные понятия, функциональное предназначение такого сочетания – создание двойственности в процессе целостного осмысления данного выражения, например, «он пил чай с женой, лимоном и удовольствием». Или такой вариант, вышедший из-под пера Г.К. Лихтенберга: «Его рвет секретами и вином». Или же фольклорное: «Шли двое: студент и дождь; один в пальто, другой – в осенний вечер».

Функциональное предназначение приема остроумия «намек» – слова или выражения, в которых не полностью высказанная мысль может быть понята только по догадке, – реализуется посредством различных способов создания комического эффекта. Таких, как переименование с подтекстом (метонимия); перевод имени собственного в нарицательное

(автономазия); намек на известные всем события (аллюзия); упоминание без подробного обсуждения предмета (претеоризация) и др. Намек может быть сделан и на известные всем события: в этом случае мы располагаем таким филологическим понятием, как аллюзия. Так, например, конкурс красоты во времена Париса закончился Троянской войной. А вот злое остроумие Европы окрестило однажды одного монарха Клеопольдом, вместо Леопольда, из-за его отношения к одной даме по имени Клео.

Рассмотрим реализацию приема «аллюзия» в задачах, например, таких: Что, не боясь греха, делают кукушка с петухом? (Хвалят друг друга). Что, спаленное пожаром, было отдано французу и почему? (Москва). Кто и откель грозить будет шведу? (Мы, отсель). Какой бесценный предмет достает поэт из широких штанин? (Паспорт). В данных задачах налицо реализация намека на известные всем произведения. В задаче: «Кто в 1812 году носил самую большую шляпу?» реализован намек на известные всем события, связанные с именем Наполеона. Ответ же гласит, что это был тот, у кого была самая большая голова.

Упоминание без подробного обсуждения предмета (претеоризация) исследовалось многими учеными. Не обошел его вниманием и З. Фрейд. В одной из своих работ он приводит следующий пример претеоризации. Светлейший, которому бросилось в глаза сходство его собственной персоны с другим человеком, спрашивает: «Служила ли его мать когда-либо в резиденции?» И находчивый ответ на этот вопрос гласит: «Мать не служила, зато мой отец – да». Рассмотрим задачу. У розы их два, у ромашки – три, у традесканции – пять. А сколько у георгина? В данной задаче реализовано упоминание без подробного обсуждения предмета. И намек сделан на количество слогов в словах. А для того, чтобы задача превратилась в головоломку, введены однородные стимулы, названия цветов, переключающие внимание в процессе решения, вследствие чего, изменяется семантическое поле восприятия головоломки.

Принято выделять несколько родов иронии как характерных способов передачи имплицитного содержания действительности в различных коммуникативных модальностях. Как показало исследование, в головоломках наиболее популярной формой иронии является милостивое притворство (хариентизм) в сочетании с вербализацией умолчания (паралепсисом). При вербализации умолчания сообщается именно то, о чем говорящий собирался умолчать. Этот прием блестяще реализован в таких головоломках, как: «Вы – пилот самолета, летящего из Гаваны в Москву с двумя посадками в Алжире». В задаче вводится большое количество дополнительной информации: города, страна посадки, непривычный для большинства вид деятельности – пилотирование самолета, что, несомненно, запускает механизм изменения смысла в процессе восприятия. И наконец звучит вопрос: «Сколько лет пилоту?» Вербализация умолчания к моменту появления вопроса уже успевает сработать и отнюдь не на правильное решение задачи. Аналогичный прием остроумия по только что рассмотренной схеме реализован в следующей задаче: «У Сережиной мамы три сына. Первого она назвала Андреем. Второго Владимиром. Как звали третьего сына?»

Метафоры как прием остроумия, приводящий в действие механизм изменения смысла в процессе восприятия, также необычайно эффективны. Наиболее иллюстративным в плане прагматики является такой способ создания метафоры, как разложение фразеологизма, что предполагает оперирование метафорическим выражением без учета его фигурального характера, то есть так, как если бы метафора имела прямое значение. Например, «сейчас ты бессмертен, ибо еще не умер» (Э. Цветков «Предание мастера»). Или такой перечень действующих лиц в одном из произведений Д. Минаева (1865): Суфлеркин, Репертуаров, Каламбурцев [10]. Данный «говорящий» перечень получен посредством приема остроумия «буквализация метафоры» или «реализованная метафора».

Семантическое сходство данного приема остроумия с задачами-головоломками ярко проявляется в таких примерах, как задача, созданная по мотивам пера Дона-Аминадо (А.П. Шполянского): «В чем сходство между богатым человеком и мыльным пузырем?» Ответ однозначен: «Если его надуть – он лопнет» [11]. Аналогичным образом построена следующая задача: «Кто чаще других попадает в милицию?» (Милиционеры. Логично?)

Рассмотрим головоломки, в которых прослеживается явное семантическое родство с приемом остроумия «сравнение по неявному признаку». Без чего не могут обойтись баббанщики, математики, охотники? Этот достаточно разношерстный отряд объединяет их одинаковая потребность в дробе. Или же вопрос о сходстве между людьми и деньгами. Проведенное сравнение показывает, что и те и другие меняются. А вот сравнение Иоанна Крестителя с Винни-Пухом показывает, что у них тоже есть точки соприкосновения. Сходство заключается в наличии двух букв «н» в имени каждого.

Весьма близким по семантической структуре приему остроумия «намеки» является, с нашей точки зрения, прием «двойное истолкование», или двусмысленность. В лингвистических теориях принято выделять несколько видов двусмысленности: фонологический и лексический; поверхностной и глубинной структуры. В процессе восприятия двусмысленности разрешаемое несоответствие обеспечивает юмористический эффект шутке, что несомненно является функционально-семантической составляющей данного приема остроумия. Одним из проявлений двойного истолкования является амфиболия (греч. *amphibolia* – двусмысленность). Данный способ создания комического эффекта предполагает игру на многозначности, чаще всего двужначности. Основное отличие амфиболии от рассмотренных приемов двойного истолкования состоит в том, что строятся аналогии между двумя значениями одного и того же слова. «Особенность амфиболии в том, что изначально «гипотетически пригодными» оказываются оба значения. Возможность же выбора одного из них ставит адресата в тупик до тех пор, пока последующий контекст не «открывает карт» говорящего. Таким образом, реализуется интенция юмора как механизма изменения смысла в процессе восприятия.

Большой класс головоломок примыкает к такой разновидности двойного истолкования, как «игра слов», или французский аналог – каламбур. Каламбур связан с многозначностью, то есть с преобразованием значения слова (слов) в ходе сообщения. Такой эффект достигается при омонимии – звуковом совпадении различных языковых единиц, значения которых не связаны друг с другом. Например, так, как это описывает А.П. Чехов: «При словах «предложение» и «союз» ученицы скромно опускают глаза и краснеют».

Тождество механизма изменения смысла в процессе восприятия приема остроумия – «омонимия» и задач-головоломок, покажем на следующих примерах. «По какой стране протекает река, название которой я только что сказал?» (Италия, река, По). Или старая как мир головоломка: «Почему в Париже Сена не горит?» В данной задаче налицо семантическое сходство с разновидностью каламбура – омофония (слова, одинаковые в произношении, но различные в написании).

Парадокс как один из элегантных способов создания комического эффекта рождается при соединении не соединяемых по семантике слов. В результате сочетания противоположных по смыслу определений, понятий, возникает новое смысловое качество. Именно по такому принципу построен ряд головоломок, например, таких, как: «Что бросают в горшок перед тем, как варят в нем еду?». Ситуация, представленная в задаче, на первый взгляд парадоксальна, до помещения еды в горшок туда явно ничего не кладут. И все же в горшок бросают взгляд, чтобы убедиться, чистый ли он. Или задача, связанная с измерением глубины океана. «Чему равна глубина океана? Для измерения следует использовать

только простейшие подручные средства». Ситуация, как и предыдущая, выглядит парадоксальной. И тем не менее глубина океана может быть измерена подручными средствами, и она равна полету одного камня. Головоломка «Кто становится выше, когда садится?» Парадокс в явном виде, если рассматривать задачу в системе «человек». Переход в другую систему, например, «животные», снимает парадокс, ибо любое млекопитающее становится выше, когда садится (кошка, собака и т. п.). Также от системы отсчета зависит запуск механизма изменения смысла в процессе восприятия при рассмотрении следующего парадокса: «Когда мы смотрим на цифру 2, а говорим «10»?» Парадокс изящно разрешается при взгляде на циферблат часов. Смотрим на цифру 2, а говорим «10 минут такого-то».

На основании проведенного анализа правомерно заключение о наличии аналогичных механизмов изменения смысла в процессе восприятия юмора и задач-головоломок, опосредованных влиянием интеллектуальной активности. Это в свою очередь позволяет считать доказанным положение о том, что юмор является формой интеллектуальной активности на основе интенционально-мотивированной контаминация (изменение смысла) в процессе порождения и восприятия юмора, а также о механизме саморазвития интеллектуальной активности на основе нерасторжимости знаковости и социальности в юморе.

Ссылки и примечания:

1. Sperman Ch. *Psychology down the Ages*. L., 1937. V. 2. 353 p.
2. Лазурский А.Ф. Классификация личностей. Л., 1924. 290 с.
3. Холодная М.А. Ментальный опыт как психологическая основа интеллектуальной одаренности // Психологическое обозрение. 1996. № 2. С. 9.
4. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д., 1983. 176 с.
5. Там же.
6. De Groot A.D. *Thought and choice*. The Hague, 1995.
7. Холодная М.А. Ментальный опыт как психологическая основа интеллектуальной одаренности // Психологическое обозрение. 1996. № 2. С. 10.
8. Лук А.Н. Юмор, остроумие творчество. М., 1977. 183 с.
9. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. М., 1964.
10. Марков А.Ф. Экспромты Д.Д. Минаева // Русская словесность. 1994. № 1. С. 89–90. (О стихотворных экспромтах и эпиграмах Минаева Дмитрия Дмитриевича (1835–1889)).
11. Дон-Аминадо (Шполянский А.П.) «Чем ночь темней...» / сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Иванова. СПб. ; М., 2000. 508 с. (Бунин писал о Дон-Аминадо как об одном «из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение». По воспоминаниям писателя Л.И. Зурова, «его стихи вырезали из газет, знали наизусть. И многие, я знаю, начинали газету читать со злободневных стихов Дон-Аминадо». В книге «Чем ночь темней...» собраны афоризмы и сатирические стихи Дон-Аминадо (А.П. Шполянского), рассеянные по эмигрантской периодике. Материал книги выстроен в хронологическом порядке, сопровождается подробным культурологическим комментарием).

References and notes:

1. Sperman, Ch 1937, *Psychology down the Ages*, L., vol. 2, 353 p.
2. Lazurskiy, AF 1924, *Classification of personalities*, Leningrad, 290 p.
3. Kholodnaya, MA 1996, 'Mental experience as a psychological basis of intellectual giftedness', *Psychological Review*, no. 2, p. 9.
4. Bogoyavlenskaya, DB 1983, *Intellectual activity as a problem of creativity*, Rostov-on-Don, 176 p.
5. Bogoyavlenskaya, DB 1983, *Intellectual activity as a problem of creativity*, Rostov-on-Don, 176 p.
6. De Groot, AD 1995, *Thought and choice*, The Hague.
7. Kholodnaya, MA 1996, 'Mental experience as a psychological basis of intellectual giftedness', *Psychological Review*, no. 2, p. 10.
8. Luk, AN 1977, *Humor, wit, creativity*, Moscow, 183 p.
9. Lichtenberg, GK 1964, *Aphorisms*, Moscow.
10. Markov, AF 1994, 'DD Minayev's Impromptus', *Russian literature*, no. 1, p. 89-90 (About Minayev's poetic Impromptu and epigrams (1835-1889)).
11. Don Aminado (Shpolyansky AP) 2000, "The darker the night ...", St. Petersburg, Moscow, 508 p.